

Линь Шу резко ударил по тормозам. Машину качнуло, его самого потянуло вперёд, а в ту же секунду фигура, подозрительно напоминавшая дорожного «подставщика», подхватила с земли увесистую дубину и бросилась к окну.

— Выходи! — взревел незнакомец, размахивая палкой. Он то и дело затравленно оглядывался назад, явно куда-то спеша. — Живо выметайся! Мне нужна только тачка, не вылезешь — стёкла побью!

Линь Шу спокойно подчинился.

Угонщик, вновь бросив короткий взгляд через плечо, уже собирался нырнуть на водительское сиденье. Но не успел он обрадоваться, как от резкой боли в спине рухнул на землю — Линь Шу просто впечатал его подошвой в дорожное полотно.

Эту дорогу сельская администрация строила ещё в незапамятные времена на общие деньги. Сейчас она вся пошла ямами, асфальт облезал лоскутами, и сельчане годами твердили, что пора бы её перестелить, да только воз и ныне там.

Угонщик, впечатанный в пыль, наглотался песка. Когда его зубы клацнули о щебень, в голове мелькнула единственная мысль: «Слава богу, не бетон!»

Линь Шу давил правой ногой на позвоночник вора. Стоило тому дёрнуться, пытаясь подняться, как давление усилилось, и незадачливый грабитель, издав жалобный вскрик, беспомощно растопырил руки и ноги, точно выпотрошенная черепаха.

— Пощадите! Я честно не хотел вам зла! За мной гонятся, мне просто машина была нужна, на время! Тут же везде жилые дома, пройдёте немного и найдёте помощь. Хоть в город возвращайтесь, хоть на ночлег проситесь... Ой-ой, полегче, господин, спина же... Моя спина!

— Заткнись.

Линь Шу нахмурился. Он всерьёз раздумывал, не прикончить ли этого идиота прямо здесь.

Но воплотить мысль в жизнь он не успел — из темноты выбежал преследователь.

— Товарищ... — Прибежавшему на вид было под сорок. Увидев, что подозреваемого задержал «сознательный гражданин», он упёрся руками в колени, судорожно глотая воздух. — Спасибо... что поймали гада. Ну и бегаешь же он... Я за ним от самой деревни Таошуся гнался... Уф...

От той деревни до окрестностей деревни Люцзя было добрых десять километров, а то и больше.

В свете фар лицо мужчины казалось болезненно-жёлтым, с его лба градом катился пот. Линь Шу, увидев этого человека, невольно сжал спрятанные за спиной кулаки.

Мужчина отдышался, вытер пот рукавом и уже хотел было протянуть руку для рукопожатия, но, заметив, насколько опрятно и чисто выглядит его помощник, тут же смущённо отдёргнул свою — грязную, покрытую пылью и потом (угонщик ведь не разбирает дорог, несясь напролом через поля и канавы).

— Здравствуйте, товарищ. Меня зовут...

«Я знаю. Тебя зовут Чжоу Вэйминь. Тебе тридцать восемь, ты родом из Хуайхая. После выпуска работал в отделении полиции при почтовом сообществе на улице Цзиньань в Юньчэне. У тебя есть дочь, Нана. Твоя жена умерла, и ты растил девочку один. Из-за вечной загрузки на работе Нана часто сидела голодной, поэтому ты отдал её на воспитание друзьям в пригороде Юньчэна, а сам навещал её по выходным, когда выкраивал время».

«Нана очень тебя любит».

«Когда разразится апокалипсис, ты с великим трудом пробьёшься из центра города к окраинам. Если бы ты опоздал хоть на шаг, Нана стала бы кормом для мутировавших псов-зомби».

«Мы снова встретились, брат Чжоу».

— Офицер Чжоу, добрый вечер, — Линь Шу сам перехватил грязную ладонь мужчины, не дав тому её спрятать.

— Вы меня знаете? — удивился тот.

— Видел репортаж по телевизору о десяти выдающихся молодых людях Юньчэна.

— Эх, да когда это было-то, — Чжоу Вэйминь неловко поскрёб затылок и тут же вернулся к делу, указав на вора, который старательно прикидывался ветошью. — В нашем районе сейчас рейд против азартных игр. Этот тип решил, что он самый умный — когда в городе прижали, подался в деревни притоны устраивать. Мы долго их точку вычисляли, накрыли всех, да только этот больно пряткий оказался.

Офицер рывком поднял задержанного и защёлкнул наручники.

— Умышленное нарушение закона, попытка бегства — это уже серьёзно!

— И попытка угона, — невозмутимо добавил Линь Шу.

Чжоу Вэйминь не выдержал и отвесил «короткостриженому» звонкий подзатыльник.

— Ну ты даёшь, парень. По совокупности статей насидишься теперь всласть.

Угонщик лишь обречённо вздохнул. Он чувствовал, что сегодня явно не его день. Кто же знал, что за ним будут гнаться десять километров, не зная усталости? И кто знал, что случайный водитель окажется ещё более свирепым, чем полиция, и скрутит его без лишних слов? Встреть он сегодня хоть одного нормального человека, всё могло бы закончиться иначе!

Офицер Чжоу ещё раз поблагодарил Линь Шу и, заметив, что время уже позднее, предложил зайти в отделение на днях для дачи показаний. После чего приготовился конвоировать преступника обратно.

— Я подброшу вас, — предложил Линь Шу.

В этих краях люди были суеверны: считалось, что машина, в которой перевозили преступника, «пропитывается» дурной удачей. Большинство предпочитало не ввязываться в лишние хлопоты.

Чжоу Вэйминь не хотел обременять молодого человека и планировал добираться своим ходом — «на одиннадцатом маршруте», то есть пешком. Предложение Линь Шу стало для него приятным сюрпризом. Он всё больше убеждался: парень хоть и выглядит холодным, но на деле — душа-человек.

Запихнув угонщика на заднее сиденье, он с облегчением сел в кабину.

— Вот и славно! Через пару дней выпишем тебе почётную грамоту, обязательно заходи за ней.

Линь Шу поджал губы, в его бесстрастном взгляде мелькнуло замешательство.

— Я здесь проездом, турист. Уезжаю через пару дней, боюсь, времени не будет.

«Какой честный малый!» — Чжоу Вэйминь довольно улыбнулся и разговорился. По долгу службы он привык общаться с самыми разными людьми, а Линь Шу, прекрасно знавший его характер, умело поддерживал беседу. На десять фраз офицера он вставлял одну реплику, и этого было достаточно для вполне живого разговора.

Когда они добрались до деревни Таошуся, коллеги Чжоу уже заждались его.

Линь Шу быстро оформил протокол и, собираясь уезжать, опустил стекло.

— Работаете в выходные так самоотверженно... Неужели не хочется побыть с семьёй?

Чжоу Вэйминь моргнул, только сейчас вспомнив, что сегодня суббота. Вспомнив о дочери, он виновато вздохнул.

— Обещал свозить её в парк аттракционов... Видимо, придётся подождать до следующего раза.

Линь Шу смотрел на уставшего мужчину, и его чёрные глаза в ночной тьме казались бездонными.

«Всю работу не переделаешь. Не заметишь, как ребёнок вырастет, так и не узнаешь её толком», — эти слова сам Чжоу Вэйминь произнёс перед смертью.

Чёрный автомобиль быстро растворился в темноте. Офицер долго стоял на месте, глядя ему вслед. Почему-то сердце внезапно кольнуло острой, необъяснимой болью.

— Брат Чжоу? Брат Чжоу! — окликнул его коллега. — О чём задумался? Всё, закончили на сегодня.

— Нана говорила мне, что научилась готовить. Хотела меня накормить, да я всё никак время не найду... Вот думаю, может, забрать её к себе?

— Давно пора! Говорю же тебе: в гостях хорошо, а дома лучше. Если боишься, что не уследишь, приводи девчонку в отделение, мешать не будет, зато под присмотром.

На душе у Чжоу стало светлее. Он твёрдо решил: при следующей встрече обязательно поблагодарит того парня, Линь Шу.

Огни редких фонарей проносились мимо. Линь Шу не включал свет в салоне — в темноте было легче предаваться воспоминаниям, пусть даже не самым приятным.

Он невольно думал о семье Чжоу.

После начала конца света привычный порядок рухнул. Невиданные монстры наводнили мир, человечество в одночасье скатилось с вершины пищевой цепи, став добычей. Паника и жестокость стали новой нормой.

В то время Линь Шу уже пережил предательство, промывание желудка и изнурительные допросы. Когда его способности наконец пробудились, они показали ему совершенно

беспольными. Он провалился в бездну отчаяния. Если бы не брат рядом, Линь Шу вряд ли нашёл бы в себе силы жить дальше.

Ему казалось, что Линь Ле куда лучше подходит для этого нового жестокого мира, но судьба зло пошутила: слабый духом Линь Шу стал Пробуждённым, а волевой брат остался обычным человеком.

Юньчэн с его богатой флорой и фауной (леса занимали почти шестьдесят процентов территории) превратился в кошмар. Этот «райский сад» стал для людей ловушкой.

С Чжоу Вэйминем они встретились, когда за ними гнался питон высотой с этаж. Офицер спас их, вырвав из пасти смерти, а затем привёл в отряд выживших.

Чжоу был из тех редких людей, у кого девиз «Служить народу» был выжжен в самом сердце. Даже в хаосе апокалипсиса он не изменил себе: бескорыстно заботился о каждом в отряде, не требуя ничего взамен.

Его мутация была телесной, возврат к древней крови — Мамонт. Это делало его идеальным бойцом: мощная атака, несокрушимая защита. Даже на начальном уровне, когда трансформировались лишь части тела, он был невероятно силён.

С таким даром он мог бы процветать где угодно, но в отряде у него и его дочери не было никаких привилегий. Защищать всех — его долг, искать пропитание — обязанность. После смертельных вылазок его часто ждал лишь сухой паёк и холодная вода.

Линь Шу не раз видел, как маленькая Нана откладывала свою еду для отца.

Линь Ле пытался вразумить Чжоу, советовал установить чёткие правила и распределить обязанности, но выжившие встретили это предложение в штыки. Идея заглохла.

Сам Чжоу Вэйминь не принимал это близко к сердцу. Он считал, что в эти трудные времена люди должны держаться вместе, помогать друг другу. «У меня есть сила, значит, я должен делать больше», — говорил он.

Линь Ле понимал: рано или поздно это плохо кончится. Но у слабых нет права голоса. Братья были пришлыми, а конфликтовать с толпой означало обресть себя на изгнание. Им оставалось только молчать.

Чжоу Вэйминь считал каждого в отряде своей ответственностью, забыв простую истину: малая милость рождает благодарность, великая — вражду. Когда жертвенность становится привычкой, её начинают воспринимать как должное.

Трагедия случилась внезапно, хотя и была закономерна.

Они уже почти выбрались из города, когда дорогу им преградил мутировавший лев. Тварь сожрала столько людей, что её тело начало гнить заживо, а морда уродливо деформировалась, приобретая человеческие черты.

Чжоу, как всегда, приказал всем уходить, оставшись прикрывать отход. Девочка видела, как отец получил тяжёлую рану от когтей хищника. Она забилась в угол автобуса, не проронив ни звука. И только когда Чжоу, чудом выжив, вернулся к ним, выяснилось, что Нана уже в бреду от жара.

У неё началась мутация. И никто в целом отряде не заметил, что с ребёнком что-то не так.

Тогда Линь Шу впервые увидел ярость на лице брата Чжоу.

Для людей внезапная лихорадка в те дни означала лишь два пути: либо ты возносишься на вершину пищевой цепи, становясь Пробуждённым, либо превращаешься в бездушную тварь — Падшего.

Это было самое начало. Прежние знания не работали, человечество, точно младенец, делало первые робкие шаги по пепелищу старого мира. Тогда деление было простым и беспощадным: всё, что не походило на человека, всё, что выходило за рамки «нормальной» мутации — было монстром.

И Нана превратилась именно в такого «монстра».

<http://bllate.org/book/17473/1694727>